

Часть 1

ГЛАВА 1

Я пообещала себе, что буду отвечать на каждый пятый звонок. Приходилось иногда брать трубку, иначе бы и в дом могли вломиться в поисках трупа, моего трупа.

Зазвонил телефон. Как раз пятый звонок.

— Алло. — Я надеялась, что мой тон был достаточно отпугивающим.

— Пани доктор? Это Марцинковска. Помните меня? — заорала трубка мне в ухо.

— Да, да, помню, пани Марцинковска, — ответила я, застигнутая врасплох. — Вот только не могу понять, откуда у вас мой номер?

— Пани доктор, дорогая, спасите меня, — зарыдала в трубку моя бывшая пациентка. — Пани доктор, у меня кровотечение не прекращается.

— Простите, пани, но я в отпуске за свой счет, надолго, и сейчас не принимаю, — твердо заявила я. В общем, я уже догадалась, куда свернет разговор, и начала злиться. И хватило же у нее наглости звонить домой!

— Знаю, мне в кооперативе сказали, но пани доктор... Только вы мне можете помочь, — заныла умирающим голосом Марцинковска.

— Я же сказала, что не работаю и пациентов не принимаю. Езжайте в районную поликлинику, — сообщила я непревратимым тоном.

— Пани доктор, я всюду была. Туды-сюды гоняют, пилюли прописывают и домой шлют. Уже два месяца хожу. Пани доктор, а у вас руки золотые, примите меня, — запричитала Марцинковска, переходя на местный говор.

— Но я сейчас вообще нигде не работаю. Вам ясно? Не работаю и никого не принимаю. — Я уже почти орала.

— Пани доктор, ну пожалуйста. У меня все болит и слабость такая... Никто мне помочь не может. Умоляю, пани доктор.

— Нет, извините. До свиданья, пани, — рывкнула я и бросила трубку, хотя в ней еще звучали рыдания Марцинковской.

Меня трясло от возмущения и злости. Ну почему эти женщины думают, что если я их оперировала сто лет тому назад, то можно звонить мне домой? Неужели букет цветов и коньяк из «Певекса» давали им на это право? Мне уже несколько месяцев пациентки не звонили. Я так разозлилась, что пришлось выпить стаканчик чего покрепче. Потом еще два, и, в общем, до вечера кое-как дотянула.

Магда опять прислала письмо. Судя по дате на конверте, оно пролежало в почтовом ящике пару недель. Надо бы ответить, а то она начнет волноваться и пристанет с расспросами и упреками. Вот только что я могла написать? Рассказать правду о том, что все бросила и ничем не занимаюсь? Написать я не успела. Магда позвонила сама. Это оказался как раз пятый звонок.

— Анна?

— Она самая. Родную сестру не узнаешь. — Я надеялась, что мой тон отобьет у нее охоту продолжать разговор.

— Голос у тебя странный. Спала?

— Нет, с чего бы?

Конечно не спала, уже целую неделю не спала. Я пригоршнями глотала снотворное и запивала коньяком, но состояние после этого трудно было назвать сном.

— Ну конечно, кто ж спит в такое время, — заявила Магда учительским тоном.

О господи, началось.

— Кажется, я простыла немного, — соврала я. Хотя как можно простудиться, если не выходишь из дому?..

— У вас тоже погода ужасная? — спросила Магда.

— Да-а-а...

Да откуда мне знать, какая у нас погода!.. Зачем оно мне надо. Разговор тем временем становился все более нелепым и бессвязным.

— Мы с Робертом за тебя переживаем. На письма не отвечаешь, трубку не берешь. Ты хоть иногда бываешь дома?

— Да, иногда бываю.

— Может, я приеду тебя проведать? Я сейчас свободна, Роберт то в командировках, то на работе, а я дома так давно не была.

Я потеряла дар речи. Вот только визита сестры мне не хватало.

— Слушай, а может, давай ты к нам? — Магда совсем разошлась. — Чего тебе сидеть одной в таком большом доме? Приезжай прямо сейчас, погостишь до Рождества.

— Я бы рада, — вежливо соврала я в очередной раз, — но у меня столько дел...

Еще одна ложь.

— Ой, Анна, ну что за отговорки! Какие у тебя там дела?

— Ну, знаешь, с гминой¹ рассчитаться, кухню отремонтировать, на чердаке порядок навести и все такое.

Ложь, ложь, ложь...

— Так ты еще не рассчиталась? И кухню не доделала?

¹ Гмина — наименьшая административная единица Польши. (Здесь и далее примеч. пер.)

Вопросы, вопросы, вопросы. Вот откуда она взялась на мою голову? Я вышла из себя.

— Нет, не доделала, — ответила ей холодно.

Честно говоря, я так разозлилась, что не смогла сдержаться.

— Извини, я не хотела лезть в твои дела. Просто надеялась, что ты приедешь и мы проведем вместе хоть немного времени, — заявила Магда тоном обиженной младшей сестры.

— Магда, пожалуйста, перестань. Я разберусь с делами и позвоню тебе...

— А может, на Вигилию¹ приедешь? Ну пожалуйста, пообещай! Будет Гося с семьей, и Игорь, и еще несколько друзей. Мы все будем рады, если ты приедешь.

Да, могу себе это представить. Ну просто море радости. Куча незнакомых варшавских снобов.

— Постараюсь, — соврала я в очередной раз.

— Пожалуйста, позвони мне на следующей неделе. Позвони — и мы обо всем договоримся.

Магда, моя младшая сестричка, когда-то была самым близким для меня человеком. Когда-то... Потом все стало так сложно. Она единственная, кто остался из моей семьи. Единственная, кто хоть что-то значит для меня. Вот только сказать ей об этом я не могу. Как не могу сказать, что не делала того, в чем она меня винила. Я не убивала нашу маму.

Зазвонил телефон. В пятый раз за последние три дня. Какого черта им всем от меня надо? То за целый месяц пяти телефонных звонков не набралось, а тут на тебе. Ужасно болела голова. Да иду уже!

— Алло, — ответила я отталкивающим тоном. Как обычно.

— Анна, привет. Это Тадеуш.

— Тадеуш? — воскликнула я.

Уж чего-чего, а звонка из отделения, от моего заместителя, я никак не ожидала.

¹ Вигилия — семейный ужин в ночь накануне Рождества, 24 декабря.

— Тебя дома не застанешь. Ты уезжала куда-то?

Вот почему люди задают столько лишних вопросов?

— Да, ненадолго. Чем вызван такой интерес к моей персоне?

— Мы тут всем коллективом о тебе переживаем. Не соскучилась еще о нас? Как ты там, без дежурств и пациентов?

— Уж как-то справляюсь, — ответила я холодно.

«И по вам совершенно не скучаю», — продолжила про себя.

— Может, тебе чего-нибудь надо?

— Чего, например?

— Ну не знаю, купить тебе чего-нибудь. Может, книжки, газеты?

— Тадеуш, я не калека. Вопрос не по адресу. — Телефонная трубка с моей стороны уже льдом покрылась.

— Анна, извини, ты не так поняла. Не злись, пожалуйста.

— Тадеуш, я всегда была злой, с чего бы мне сейчас меняться?

— Может, я не вовремя позвонил? Давай я перезвоню попозже.

— А зачем ты вообще звонил? Может, и перезванивать не стоит...

— Просто хотел спросить, как ты. Извини, — запнувшись, сказал он. — А еще хотел спросить, не могла бы ты нам помочь? У нас людей не хватает в консультации. Я тут подумал, может, вернешься, подзаработаешь немного. — Он запинаясь, как ученик. Выглядело это жалко. Я молчала, наслаждаясь мгновениями триумфа. — А вообще, как дела? — закончил он совсем уж испуганно.

— Ты надо мной издеваешься?

— Скажешь тоже. Зачем? — ответил он тихо. Казалось, что на том конце провода маленький мальчик. Разговор становился все более неприятным.

— Как у меня дела? А какое тебе дело? Ты у нас получил что хотел. О, извини, еще и исполняющий обязанности. Ты думал, я тебя всю жизнь за ручку водить буду? Вернуться

в клинику? Ничего себе, отличное предложение! — заорала я в трубку. — Я в отпуске, в заслуженном отпуске, отдыхаю я.

— Аня, ты не так меня поняла! — на том конце провода был уже не ученик, а дошкольник.

— Нет, я все отлично поняла. Я тебя всему научила, я позволила защититься. Ты стал ездить на конгрессы и встречи. Вот только своего отделения не было. Ты подговорил своего друга, этого, прости господи, директора, меня с работы выпереть. Неоплачиваемый отпуск!

— Аня, — простонал он.

— Не перебивай! Не смей! Я сама закончу! Я не должна была уходить в отпуск. Я со всем прекрасно справлялась, и с работой, и с пациентками, и с отделением. Но я же тебе мешала, да? И таких хороших друзей, как у тебя, у меня не нашлось. А сейчас я тебе должна в консультации помогать? Как кто? — Я сопела и плевалась в телефонную трубку. — Не звони мне больше! Ни тебя, ни коллег твоих чертовых я знать не желаю! И в твою заботу не верю! — проорала я и швырнула трубку.

«Надо выпить!» — сказала я себе.

Я проснулась. Опять звонил телефон. Вот холера! Который час? Очень хотелось пить. Кто-то постучал. Это в дверь звонят? Мысли путались.

О господи. Это в дверь звонят! Кого там, к чертям собачьим, принесло?! И зачем? Почтальон? Или колядники? Так еще не Рождество. Или мне так показалось.

— Иду, — крикнула в сторону коридора, чтобы перестали звонить. Звонок отдавался в голове глухой болью.

Наконец мне удалось отыскать какую-то блузку и туфли.

— Кто там? — крикнула через двери.

— Иоанна.

Иоанна? Да мы уже полгода не виделись. С тех пор как я ушла из больницы.

— Ты что здесь делаешь? — продолжила я разговор через закрытую дверь, все еще надеясь, что Иоанна уйдет.

— А ты как думаешь? Открой, а то я стою тут, внимание привлекаю. На меня уже все оглядываются — четверть часа в дверь тарабаню.

— Как ты узнала, что я дома?

— Да открой ты наконец.

— Сейчас, сейчас, ключи ищу.

Пришлось открывать — иначе бы отделаться от Иоанны не удалось. Я нашла ключ и повернула его в замочной скважине. Нажала на ручку, и дверь с трудом открылась, впуская в дом ледяной воздух.

— Под домом же машина стоит, где ты еще можешь быть? Тебя уже месяц никто не видел, трубку ты не берешь. Что происходит? — повысила она голос.

— Все в порядке. Просто я была занята. А ты труп приехала искать? — спросила я холодно, давая понять, что ее тут никто не ждал.

— Что? Какой труп? Ты о чем? Была занята? Чем? — Она задавала вопросы, а сама тем временем продвигалась все дальше и дальше вглубь дома, пока наконец не остановилась на пороге моей комнаты.

— Господи, да что ж тут творится! — воскликнула она. Ей было все равно, что я ее не приглашала и, в общем, что не слишком довольна этим визитом.

— Иоанна, мне сейчас не до гостей. У меня все в порядке. Я тебе на следующей неделе позвоню, приглашу на кофе. Устраивает? — Я все еще стояла в коридоре, надеясь, что визит будет недолгим.

Голова раскалывалась от боли. Я не мылась уже пару дней. Меня трясло, и мучила изжога. Сейчас я могла мечтать только об одном — чтобы Иоанна побыстрее убралась. Иначе все закончится катастрофой.

— Боже, что ты с собой сделала... Взгляни на себя в зеркало! Почему тут такой беспорядок? О боже, ты пила?! — Она орала, а я удивлялась, откуда столько силы в ее старых легких.

— Нет.

— Как это нет, я же вижу. А это что?

«Бутылка “Яся Вендровничка”¹. Слепая, что ли?» — подумала я. Боже, как болит голова!

— Анька, ты сама все выпила? За день? Или за два? — спросила она, немного успокоившись, а через мгновение уже отвернулась и продолжила обыскивать комнату.

— Аська, у меня сил нет и голова болит. Отцепись, а? — попросила я. На вежливость меня уже не хватало.

— Еще бы у тебя голова не болела. О, эстазолам и еще реланиум. Неплохой набор.

Она уже добралась до кофейного столика. Кофе там тоже был, но на него она почему-то внимания не обратила. Я так разнервничалась, что у меня начали трястись руки. И голова тоже.

— Ты с ума сошла? Что ты делаешь? Решила счеты с жизнью свести? — продолжила допрос Иоанна. Морщины на ее лице стали еще глубже. Только сейчас я заметила, как она постарела за это время.

— А почему бы и нет? — холодно ответила я.

— Глупо так мучиться. Можешь сразу со всем покончить — у тебя тут таблеток столько, что проще раз и наверняка.

Это было уже слишком.

— Оставь меня в покое, Аська! Чего приперлась. Тебя кто-то просил?..

От боли и злости слезы брызнули из глаз. Меня еще сильнее затрясло. Я злилась и на нее, и на себя.

— Вообще-то, просили. Если бы ты брала трубку, мне бы не пришлось ехать сюда и торчать, как дура, под дверью. Магда позвонила, просила посмотреть, как у тебя дела. Она сейчас не может вырваться из Варшавы. Что ты с собой сделала? Сколько времени прошло? Полгода? Да ты уже в развалину превратилась!..

¹ Виски «Джонни Уокер».